

2. Поэтика Ф. М. Достоевского

ББК Ш5(2=Р)5–4
УДК 821.161.1

Л. А. Сапченко
доктор филологических наук, профессор

ТЕМА «РУССКОГО ПОМЕЩИКА» В «СЕЛЕ СТЕПАНЧИКОВЕ...» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ПАРОДИЙНО-ПОЛЕМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: Достоевский, Карамзин, Гоголь, пародия, русский помещик

В комментариях к третьему тому Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского приведены подробные сопоставления текста «Села Степанчикова и его обитателей» с произведениями Н.В. Гоголя, в первую очередь, – с главой «Русский помещик» и вторым томом «Мертвых душ». При этом показано, что тема «отеческого» отношения помещика к «невежественным» крестьянам, проповедь его обязанностей, его высокой нравственной миссии, как это патетически дано у Гоголя и Карамзина, становится объектом пародирования у Достоевского. Кроме того, в комментариях отмечено, что существует также традиция находить в образе Фомы Опискина черты личности, особенности поведения, привычки и высказывания Н.В. Гоголя.

Сходство образа Фомы Опискина с Н.В. Гоголем было подмечено при первом же чтении повести редакцией «Отечественных записок», что удержалось в устных преданиях. В 1921 году Ю.Н. Тынянов в работе «Достоевский и Гоголь» сопоставил тексты «Села Степанчикова» и «Выбранных мест из переписки с друзьями» и пришел к выводу, что многие фрагменты «пародийно» тождественны. Но если можно согласиться, что “речи Фомы пародируют гоголевскую «Переписку с друзьями»”, то, по словам Л.П. Гроссмана, «есть преувеличения в утверждениях, что “материалом для пародии послужила л и ч н о с т ь Гоголя”» [4, 219]. Сопоставление Опискина с Гоголем, считает исследователь, необходимо «сосредоточить на литературном материале» [4, 219]. В биографическом же и личном плане нет сходства образов, «верховный художественный авторитет Гоголя никогда не колебался в глазах Достоевского» [4, 220]. «Автору не удалось доказать, что

Фома Опискин – пародированный Гоголь», – считал также В.В. Виноградов [2, 461].

Л.П. Гроссман упоминал о другом предположении, выдвинутом в книге А. Левинсона о Достоевском (Париж, 1931). «Чем пристальнее вглядываешься в образ Фомы, тем отчетливее различаешь (несмотря на все свое изумление) под маскою этого самозванца страдальческий образ Белинского... С помощью этой чудовищной карикатуры писатель, на пороге своего нового существования, прощается с людьми 40–х годов, и нет такого сарказма, который показался бы ему слишком жестоким для заклеивания их» [4, 221]. В рассказе И.И. Лажечникова об устройстве им судьбы молодого Белинского, который был принят секретарем к одному «богатому барину». В некоторых эпизодах из жизни критика (тяжелые неудачи, гонения, исключение из университета, оскорбленное самолюбие) просматриваются параллели к образу Фомы. «Если в его литературных выступлениях Достоевский пародирует публицистику Гоголя, в личности Фомы он сатирически метит в одного из самых антипатичных ему литературных современников – в Белинского» [4, 222].

Л.М. Лотман указывает на возможность и других литературных и реальных прототипов Фомы – Рудина, Грановского, однако заключает: «Конечно, ни Рудин, ни тем более Грановский или Белинский не являются прототипами гротескного образа Фомы Опискина, но многоаспектный социально–психологический анализ типа узурпатора общественных симпатий, ложного властителя дум включал и мотив его мимикрии под высокий образ “русского скитальца”, идеолога, мученика идеи» [8, 153].

Подобное обобщение имеет место и у Тынянова: «Фома прежде всего литератор, проповедник, нравственный учитель – на этом основано его влияние» [14, 216]. При этом, как считает В.А. Туниманов, пародируется неискренний, «неуместно торжественный тон гоголевской “Переписки”» [12, 44]. Но когда Фома читает наставления Ростаневу («Вы помещик; вы должны бы сиять, как бриллиант, в своих поместьях. Не думайте, чтоб отдых и сладострастие были предназначением помещичьего звания. Не отдых, а забота, и забота перед богом, царем и отечеством! Трудиться, трудиться обязан помещик, и трудиться, как последний их крестьян его!» [6, III, 166]), то здесь происходит пародирование давней и очень характерной для русской литературы традиции, отнюдь не связанной каким-либо одним именем. Об обязанностях помещика говорят уже персонажи фонвизинского «Недоросля». В этом русле может быть осмыслен также «Обитатель предместья» М.Н. Муравьева. Автор дневниковых записок, в форме которых ведется повествование,

противопоставляет двух помещиков. Один из них – граф Благотворов, который счастлив тем, что может облегчать судьбу себе подобных. Он спасает от огня «дряхлую больную женщину» и, обращаясь к друзьям, излагает свое жизненное кредо: «Друзья мои! Я человек, и мне приятно служить человечеству!» [9, I, 90].

О владельце другой деревни говорится: «Несчастье крестьян его не трогало. Он думал, что они рождены для его презрения...» [9, I, 92]. Обитатель предместья видит вокруг «поля пренебреженные, хижины земледельческие развалившиеся, вросшие в землю, соломою крытые!» [9, I, 92].

Тема русского помещика звучит в карамзинском «Письме сельского жителя», который «... начал входить во все подробности, наделил бедных всем нужным для хозяйства, объявил войну ленивым, но войну не кровопролитную; вместе с ними, на полях, встречал и провожал солнце; <...> ввел по возможности опрятность, чистоту в их избах...» [7, II, 292]. Герой Карамзина заслужил благодарность своих крестьян, ставших трезвыми и трудолюбивыми. Завершается письмо уверенностью героя в любви и благодарности поселян к нему, его же обхождение с ними показывает, что он считает их «людьми и братьями по человечеству и Христианству» [7, II, 296]. Высшим наслаждением для героя является осознание того, что живет он с истинною пользою для пятисот человек, вверенных ему судьбою. «Главное право русского дворянина быть помещиком, главная должность его быть добрым помещиком» [7, II, 296].

Между «Письмом сельского жителя» Карамзина и письмом «Русский помещик» из «Выбранных мест...» Н.В. Гоголя обнаруживаются поразительные аналогии. Начало и конец «Русского помещика» соединены одной мыслью, восходящей к «Письму сельского жителя» и предваряющей толстовское «Утро помещика»: быть помещиком над своими крестьянами повелел тебе Бог, и он взыщет с тебя, если б ты променял свое званье на другое. «...Не служа доселе ревностно ни на каком поприще, сослужил такую службу государю в званье помещика, какой не сослужит иной великочиновный человек. Что ни говори, но поставить 800 подданных, которые все, как один, и могут быть примером всем окружающим своей истинно примерною жизнью, – это дело не бездельное и служба истинно законная и великая» [3, VIII, 328].

Как бы взяв в образец обычая, заведенные карамзинским «сельским жителем» (непосредственное участие помещика во всех хозяйственных работах, общие праздники трижды в год и т.д.), Гоголь наставляет своего адресата: «Заведи, чтобы при начале всякого общего дела, как-то: посева, покосов и уборки хлеба – был пир на всю деревню,

чтобы в эти дни был общий стол для всех мужиков на твоём дворе, как бы в день самого Светлого Воскресенья, и обедал бы ты сам вместе с ними, и вместе с ними вышел бы на работу, и в работе был бы передовым, подстрекая всех работать молодцами, похваливая тут же молодца и укоряя тут же ленивца» [3, VIII, 324]. Предваряя Л.Н. Толстого, Гоголь советует: «Возьми сам в руки топор или косу» [3, VIII, 325].

Гоголевский дискурс, как и карамзинский, завершается процветанием и помещика, и крестьян, духовным родством между ними, чувством честно исполняемого долга.

В этом же контексте можно упомянуть слова Владимира из неоконченного пушкинского «Романа в письмах»: «Звание помещика есть та же служба. Заниматься управлением трех тысяч душ, коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депешы...

Небрежение, в котором оставляем мы наших крестьян, непростительно. Чем более имеем мы над ними прав, тем более имеем и обязанностей в их отношении» [10, V, 484–485] и т.д.

К типу «русского помещика» относится и Федор Иванович Лаврецкий («Дворянское гнездо»), вернувшийся в Россию, чтобы «пахать землю и стараться как можно лучше ее пахать» [13, VII, 233]. В эпилоге романа Тургенев сообщает, что Лаврецкий «сделался действительно хорошим хозяином, действительно выучился пахать землю и трудился не для одного себя; он, насколько мог, обеспечил и упрочил быт своих крестьян» [13, VII, 293].

Таким образом, хотя пародийному переосмыслению у Достоевского подвергаются преимущественно фрагменты именно гоголевских текстов об обязанностях русского помещика, но вопрос может быть поставлен иначе. Не ставя целью найти конкретный прототип, хочется отметить, что проблема гораздо более масштабна. Она связана с типом «русского помещика» – основного героя русской классической литературы, прямо связанного с авторской позицией, проблемой идеала в произведении.

Согласно другим утверждениям, объектом пародии становится не личность и не тип, а литературный жанр. По мнению В.А. Туниманова, «в романе Достоевского пародируются скорее всего не отдельные статьи Гоголя, Карамзина, Шишкова (и других), а жанр наставлений» [12, 53] и сопутствующие ему утопия и идиллия, наподобие «Фрола Силина, благодетельного человека» (для Достоевского – пример искаженного представления о русском крестьянине).

Действительно, в жанровом отношении карамзинское «Письмо сельского жителя» обнаруживает признаки утопии. Перед нами не отображение реальных впечатлений, а скорее мысленный эксперимент, помещающий героя и читателя в пространство, поддающееся разумным преобразованиям.

Здесь можно отметить отсутствие героя-индивидуальности со своей судьбой, своим мировосприятием как объекта изображения. В «Письме сельского жителя» нет ни бедной Лизы, ни Фрола Силина, лишь обобщенные «крестьяне», чья точка зрения на все происходящее отнюдь не дифференцирована: в полном соответствии с планами помещика они постепенно и неуклонно исправляются, испытывая лишь любовь и благодарность к барину.

Гоголевский же текст («Русский помещик») скорее соотносится не с утопией, а проповедью, поучением, хотя исходная мысль Гоголя утопична: он убежден в быстрой («к концу года») достижимости полного взаимопонимания между помещиком и крестьянами, в умении русского человека (крестьянина) быть преданным и благодарным (именно этим заканчивается карамзинское «Письмо...»).

Жанр произведения А.С. Шишкова говорит сам за себя: «Завещание моим крестьянам, или Нравственное им наставление».

«Утро помещика» Л.Н. Толстого (результат замысла «Романа русского помещика») в поэтологическом отношении можно назвать борьбой романа (глубоко индивидуализированные образы в конкретном времени и пространстве, сложность душевной жизни главного героя) с утопией и идиллией (экспериментальное пространство, остановившееся или цикличное время, конгломерация вместо неповторимых персонажей, однообразный эмоциональный фон, упрощенность взаимоотношений). При этом карамзинско-гоголевская традиция предстает в «Утре помещика» как не имеющая ничего общего с действительностью.

У Толстого сами крестьяне являются специальным предметом художественного исследования. При этом писатель приходит к выводу о невозможности желаемого взаимопонимания. В этом заключается причина неосуществленности толстовского замысла «Романа русского помещика». Успех задуманного произведения именно как романа нового времени мог иметь место лишь в том случае, если бы помещик перестал быть таковым и соединился с крестьянским миром. Условие почти невыполнимое. Оно возможно только во внесоциальной сфере – философско-психологической, общегуманистической, христианской. Эти два феномена – роман и русский помещик – почти несоединимы: либо роман как слияние героя с действительностью, как принятие

правды жизни¹, либо помещик, диктующий свои условия крестьянскому миру. Не случайно тип «русского помещика» появился в литературе совсем не в романном жанре: в комедии, в утопии, в наставлении, в сатире. Слово «роман» в связи с «русским помещиком» оставляет за собой лишь любовную сферу, приобретающую, чаще всего, трагическое звучание. При этом осмысляется место героя не столько в общественной иерархии, сколько в целой системе мироустройства. Тип русского помещика вбирает в себя не только национально-исторический, социальный, но также и лирико-философский, религиозно-нравственный аспекты.

Не проходит мимо этой темы и Достоевский («Сцена разговора Егора Ильича Ростанева с мужиками в III главе напоминает разговор Костанягло с крестьянами» [I, 514]).

Среди сочинений Фомы Опискина упоминается, в частности, «бесмысленное рассуждение о значении и свойстве русского мужика и о том, как надо с ним обращаться» [6, 158].

Общий для всех сюжет: приезд помещика в свою деревню – служит у Достоевского для того, чтобы опрокинуть привычную схему (приезд, реформы, улучшение жизни крестьян, общее благоденствие). Условно-риторические в произведениях Карамзина, Гоголя или иронические у Тургенева определения помещика: «отец», «батюшка», «кормилец» и т.п. – обретают свой истинный смысл по отношению к Ростаневу; его душевное родство с крестьянами не приобретается ценой реформ и «улучшений», а существует изначально и органично, хотя он и не выходит вместе с ними на поля, тогда как читающий проповеди и обучающий слуг французскому Опискин относится с нескрываемым презрением к человеку из народа и становится у автора объектом пародийно-сатирического изображения.

Таким образом, «русский помещик (в его отношениях с собственными крестьянами) – магистральный герой и вечный тип русской литературы, представленный в творчестве Фонвизина, М.Н. Муравьева, Радищева, Крылова, Карамзина, Пушкина, Шишкова, Гоголя, писателей «натуральной» школы, С.Т. Аксакова, Толстого, Тургенева, Гончарова решительно переосмыслен у Достоевского. В «Селе Степанчикове» мы находим продолжение и преодоление традиций, коренные изменения в самой ткани «романа русского

¹ В комментариях к четвертому тому Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого говорится, что для раннего Толстого «роман – это “история жизни”, “история”, но отнюдь не любовная <...> в названии “Роман русского помещика” слово “роман” можно перевести, как “история душевного и умственного развития” [II, IV, 398].

помещика». Как пишет М. Гус, здесь проявилось «стремление Достоевского занимать в литературных спорах свою особую позицию <...> Это сказалося и в Опискине и в Ростаневе, которого Достоевский и написал так, что он не подходил под понятие “лишнего человека” ...» [5, 162]. Опискин же – это «по-своему универсальный тип», как определяет его В.А. Туниманов [12, 32]. Для создания этого типа был использован «необъятный жизненный и литературный материал» [12, 49].

Достоевский не создает карикатуру на Гоголя, а вступает в спор с вековой традицией, утверждая в то же время (вслед за М.Н. Муравьевым) «силу личного достоинства» [9, 94] человека из народа (Гаврила, Гришка, Архип) и возвращаясь к истории любви барина и бедной девушки.

«Достоевский, как и в других произведениях, не просто использовал в “Селе Степанчикове” традиционные классические образы и сюжетные схемы, он часто отталкивался от них, психологически переосмысливая их и полемизируя со всеми предшественниками» [1, 515]. Признание в образе Ростанева нового для русского литературы героя может быть поводом к осмыслению и нового типа «русского помещика», а «Село Степанчиково» может быть рассмотрено как в высшей степени оригинальная модификация «романа русского помещика».

Литература

1. Архипова, А. В. Комментарии / А. В. Архипова // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 15 т. – Л.: Наука, 1988–1996. – Т. 3. – С. 510–530.
2. Виноградов, В. В. Гоголь и Достоевский / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избр. труды. – М.: Наука, 1976. – С. 460–462.
3. Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. / Н. В. Гоголь. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.
4. Гроссман, Л. П. Прототипы Фомы Опискина / Л. П. Гроссман // Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели. Из записок неизвестного. – М.: ГИХЛ, 1935. – С. 219–221.
5. Гус, М. Идеи и образы Достоевского / М. Гус. – Изд-е 2, доп. – М.: Худож. лит., 1971. – 592 с.
6. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч.: в 15 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1988–1996.
7. Карамзин, Н. М. Избр. соч.: в 2 т. / Н. М. Карамзин. – М., Л.: Худож. лит., 1964.

8. Лотман, Л. М. «Село Степанчиково» Достоевского в контексте литературы второй половины XIX века / Л. М. Лотман // Достоевский: Материалы и исследования. – Т. 7. – Л.: Наука, 1987. – С. 152–165.
9. Муравьев, М. Н. Соч. / М. Н. Муравьев. – СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1847. – 445 с.
10. Пушкин, А. С. Собр. соч.: в 10 т. / А. С. Пушкин. – М.: Гослитиздат, 1960.
11. Толстой, Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1928–1958.
12. Туниманов, В. А. Творчество Достоевского 1854–1862 / В. А. Туниманов. – Л.: Наука, 1980. – 296 с.
13. Тургенев, И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Письма: в 13 т. / И. С. Тургенев. – Л.: Наука, 1964. – М., Л., 1964.
14. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М.: Наука, 1977. – 576 с.
15. Шишков, А. С. Завещание моим крестьянам, или Нравственное им наставление / А. С. Шишков. – СПб.: В типографии министерства государственных имуществ, 1843. – 67 с.

THEME OF “RUSSIAN LANDOWNER” IN “THE VILLAGE OF
STEPANCHIKOVO ...” BY F. DOSTOEVSKY:
PARODY AND POLEMICS

L. A. Sapchenko

Abstract

The researcher suggested the original interpretation of “The Village of Stepanchikovo...” by Dostoevsky. The theme of “Russian landowner” is considered in the dispute discourse, which the writer leads with predecessors and contemporaries – Karamzin, Pushkin, Gogol, Turgenev, Tolstoj.

Key words: Dostoevsky, Karamzin, Gogol, Parody, Russian Landowner